Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30... 77, 80, 83, 87, 90, 93

Бородатый помощник

Однако то, что Леонов надорвался от пребывания в Верховном Совете и отказался от будущего депутатства, впрямую заявив властьпредержащим о бесплодности своих трудов по защите русского народа и леса, – праведно. Разумеется, он недооценил собственные достижения, испытывая с каждым годом все сильнее противодействие пятой колонны, сцементированной из вездесущих грацианских, внутренних и внешних. Ткаченко же, затеянный на грацианщине и хохлацкой бытовщине, нарисовал Леонида Леонова этаким приспособленческим индивидуумом, услаждающимся переделкинским затвором, оберегаемым верным стражем-бородачем и бдящей дочерью из флигеля.

Я осведомился у Елены Васильевны Бессоновой, жившей в домике по тому же адресу, что и я, о бородаче, и она сказала, что он был не столько сторожем на леоновском участке, сколько помощником Леонида Максимовича по садовым занятиям, и он же снабжал садовников Дома творчества цветочной рассадой, декоративным кустарником, необычными деревьями: лировидной сосной, маньчжурским орехом, карельской березой. Какую из двух дочерей Леонида Леонова назвал А. С. Т. «бдящей» – не уточню, но и тут, судя по звукописи, он преследовал зубоскальство.

«Теперь самое нелегкое: мое отношение к написанному Леонидом Максимовичем Леоновым. Его ранние вещи – рассказы и повести, романы «Вор», «Соть», – мне, начинающему автору, нравились. В них чувствовалась сила слова, знание природы, умение выписать своих героев живыми людьми», – опять зазадравное начало. Но и в нем уже скрыт надгробный камень самому совершенному роману Леонида Леонова «Барсуки». Роман «Барсуки», – это как раз случай такого произведения, когда по солнечной, поэтической молве, автор ложится спать безымянным, а просыпается всемирно известным. Максим Горький, кто с необычайной пристальностью следил с острова Капри за возникновением русской литературы советского периода, празднично оповестил Россию и Европу о «Барсуках» и об авторе романа, как о навсегда талантливом. Читая «Барсуки», невольно отмечаешь, что этот роман оказал влияние на «Тихий Дон» Михаила Шолохова: стилем, сцепкой главных героев, их судебным существом. За умалчиванием гениальных «Барсуков» адски клубится душераздирающая зависть Ткаченки. Ничего иного за сим аидно сжатым ртом я не нахожу.

«Но уже роман «Дорога на Океан» («Океан» А. С. Т. пишет с малой буквы, а значит, он не проникнул в метафору грядущей жизни на Земле, созидаемой в мечтах-планах главного героя романа Курилова и его молодого окружения. – **Н. В.**), который я прочел в зрелом возрасте, не показался мне сколько-нибудь значительным произведением, ни по теме, слишком уж тенденциозной (вредительство, взрыв железнодорожного полотна), ни по исполнению: язык тяжел, сюжет вял, усложнен многими отступлениями, вставными рассказами...»

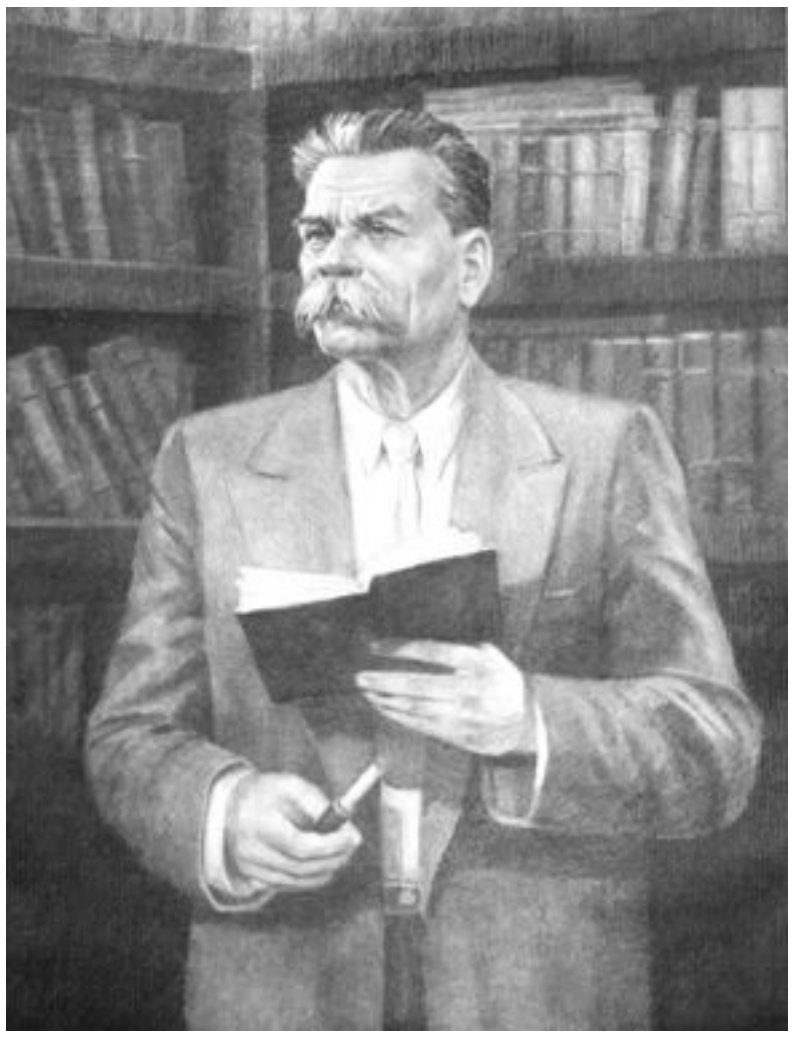
Движение к высшей истине

Примитивен, наверняка намеренно примитивен подход к теме, да еще бесстыдно игнорируется многотемность романа. Уместно обратиться здесь к толкованию романа блистательным критиком Олегом Михайловым в послесловии к «Дороге на Океан», помещенном в книге шестой десятитомного собрания сочинений Леонида Леонова, изданного «Художественной литературой» в 1983-м году: «Весь мощный изобразительный материал служит в романе единой цели – осмысленно-геологических преобразований, происходящих с людским материалом: пути человечества к Океану. Философский образ его является стержневым, сюжетообразующим и предопределяющим рамки произведения. Океан в романе и океан как таковой, к которому прокладывается дорога, и, возможно, будущее, и цель, громадная цель, куда мы впадаем. От «Дороги на Океан», написанной на пороге громадной, жгучей новизны, в пору крушения империй, аксиом, нравственных заповедей, вероучений, старинной космогонии в том числе, и до фрагмента из позднейшего романа «Мироздание по Дымкову» (откуда взята эта цитата) видится преемственность растущей мысли пытливого художника-философа. И слова Никанора Тюрина о том, что движение к высшей истине «низью не в пример ближе, ежели через середку самого себя», перекликаются с авторской фразой в «Дороге на Океан»: должно быть, всегда владела человеком темная и жадная надежда выиграть истину через интуицию, кратчайшим путем».

Роман «Барсуки» Леонида Леонова оказал влияние на «Тихий Дон» Михаила Шолохова

Называющий темой «вредительство» Ткаченко далек от понимания того, что победа красных в Гражданской войне, строящих новое общество, создала в участниках белого движения, не удалившихся за границу, страх разоблачения, связанный не только с тем, что они били своих противников, но и с тем, что обвинительно висела над ними ответственность за социальное положение отцов, а также с тем, что они принадлежали, как начальник депо Глеб Протоклитов, не к пролетарскому элементу, а к чистейшей крови служащим. Великодушие начальника политотдела Курилова, не спешащего разоблачать Глеба, сына тайного советника в судьях Протоклитова, непрестанно трепещет в Глебе виной за минувшее. Он говорит родному брату Илье, выдающемуся хирургу, об Алексее Курилове:

– Этот человек играет большую роль в моей судьбе. Он, как громадная планета, и я – ее ничтожный спутник. Пятнадцать лет я вращаюсь в ее орбите и все не могу вырваться...



Максим Горький с необычайной пристальностью следил с острова Капри за возникновением русской литературы советского периода

И брат, не проникаясь многосложными страданьями Глеба, восклицает:

– Га, это, наверное, паршивое ощущение!

– Нет... если быть справедливым, я лучше стал из страха, что он увидит меня дурным. Потерять его было бы таким же событием, как потерять тебя. Впрочем, все это личные переживания...

Алексей Курилов по-доброму бдителен к бывшему противнику Глебу Протоклитову. Глеб все-таки остерегается Алексея, но в сердцевине он враждебно-невраждебен к нему.

Уверения Ткаченки, якобы он прочел «Дорогу на Океан» в зрелом возрасте, не убеждает в справедливости реакции на роман: «...не показался мне сколько-нибудь значительным произведением ни по теме (вредительство, взрыв железнодорожного полотна), ни по исполнению – язык тяжел, сюжет вял, усложнен многими отступлениями, вставными рассказами». Повторяю цитирование, чтобы точней уличить А. С. Т. в несправедливости, следовательно, в том, что подобная зрелость невежественней, слепей подростковости.

Антиэстетический палач в Ткаченке становится яростней на подходе к исключительно сильному, многоплановому роману Леонида Леонова «Дорога на Океан». За неспособностью, порицая, быть доказательным, он увеличивает нажим на клевету: «А что и вовсе повергло меня в уныние, так это небольшая главка о «коктебельском затворнике», то есть о Максимилиане Волошине: вот, мол, живет в теплом Крыму этакий бородатый мудрец, ходит в длинном хитоне, сочиняет никому не нужные слухи о древней Киммерии, не видя, какие грандиозные преобразования происходят в стране».

Ткаченко в «Переделкинских прогулках» сплошь привержен очернительному методу отсебятины. Главки о «коктебельском затворнике» в романе нет, есть частичка главы об Аркадии Гермогеновиче Похвистневе, учителе-латинисте, склоняющемуся, вроде бы, к бунтовщикам молодом интеллигенте, необычайно, на длительную судьбу, однолюбе. Нет и не было «коктебельского затворника», был больной поэт, почти одиночествующий в несезонный для приморья период.

Скитающийся Овидий

Для постижения отрывка, относящегося к Волошину, нельзя обойти характеристику Аркадия Гермогеновича, которой наделил его автор: «Железное здоровье гнездилось в этом подсушенном организме. Не слышно было также, чтобы в молодости он изнурял себя и любовью. Была совершенна его биография, будто выдуманная в поучение непослушным детям. По его собственным словам, жизнь свою он выпил восторженно и неторопливо, как стакан морса на знойном перепутье из одной пустыни в другую; судя по цвету его щек, осадок на дне был также сытен, как и радужная пена у края. Скромный учитель гимназической латыни, он обучил экстемпоралиям свыше пяти тысяч учеников, и сознание, что это хоть и в малой степени, но украсило их существование, доставляло потребное спокойствие его совести. Кроме того, в жизни он никогда ни в чем не сомневался, встречал замечательных людей, дружил с Бакуниным, имел жилплощадь в Москве, и враги его примерли. Всюду, куда забрасывала его судьба, находились люди, способные понять душевную прелесть этого человека и оценить качество его отличной, бархатистого фетра, шляпы. Ее тулья была высока, а под широкими полями всегда держались сумерки. Она придавала романтический оттенок не только взгляду, но и мыслям, и даже самим поступкам Аркадия Гермогеновича. Поистине, шляпа являлась частью его характера и, может быть, физической личности...»

Ирония, гротеск, а местами – умиление просматриваются в прорисовке Аркадия Гермогеновича. В Крыму он свел знакомство с Волошиным благодаря шляпе: «Он возвращался из дома отдыха... Обычно кучера останавливались в этом месте поить лошадей, и у Аркадия Гермогеновича было время осмотреть в небольшом радиусе окрестности. День вышел свежий, в снежно-белой каракульче бежали волны (и вообще в той местности круглый год длится какой-то неистовый шабаш ветров). С Аркадия Гермогеновича сорвало шляпу и со скоростью велосипедного колеса покатило вдоль безлюдного пляжа. Он ринулся вдогонку; ветром парусило его брезентовый плащ. Старик то отставал, то даже перегонял свою беглянку, и становилось непонятно, кто за кем гонится. У самой прибойной полосы кто-то, однако, догадался наступить ногою на сбежавшую собственность. Перед ним стоял тучный, рано одряхлевший человек в поношенных штанах, вправленых в трикотажные гетры, и в просторной, как море, серого тканья, рубахе. Дымилась на ветру его седая грива, стянутая по лбу узким ременным пояском». Восхищенный Похвистнев вслух сравнил этого человека с Овидием, скитающимся в устьях Дуная и обдумывающим свои Послания с Понта. Сравнение попало в самый нерв. Ясно, тут восприятие Аркадия Гермогеновича: Волошин не был изгнанником; в отличие от Овидия, он находился на родном берегу Понта, что, несомненно, знал Леонов... Человек улыбнулся и показал на двухэтажный дом; он приглашал нового знакомца к себе обедать и сушиться. Тем временем последняя линейка прошла из Отуз.

Новый знакомец Похвистнева и сам не раз уподоблял себя опальному поэту. Но нет, с Овидием себя он сравнивал сам! Никто не отсылал его в забвенье. Отличный мастер приподнятого поэтического слова, он угасал здесь без славы и литературного потомства. (Межсезонная пауза могла создавать и у Леонова, и у Аркадия Гермогеновича впечатление этакой опустошенности, что тут в подтексте констатируется сострадательно. Слава и литературное потомство находились у Максимилиана Волошина в России и Франции, Германии. – **Н. В.**)

Продолжение следует

> **Важно не то, долго ли, а правильно ли ты прожил.** СЕНЕКА